

Ида Мартин

Туговищы

LIKE
BOOK

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Иллюстрация на обложке — @00maruu

Мартин, Ида.

М29 Пуговицы / Ида Мартин. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-171781-0

Каждую ночь Микки мучает один и тот же кошмар. Она уверена, что это как-то связано с учительницей физкультуры, исчезнувшей прошлой весной.

Внезапно найденный возле школы труп лишь усиливает подозрения Микки: она решает выяснить, кто стоит за страшным преступлением.

Но чем больше Микки узнает, тем сложнее становится удержаться за реальность и не пропасть в лабиринтах хаоса.

Ее родственники, учителя и друзья — все от нее что-то скрывают.

Ее чувствами манипулируют, упорядоченный мир разваливается на части, а способный вытащить из всего этого нарисованный парень никак не приходит.

И чтобы распутать клубок тайн, Микки должна сделать самое важное — разобраться в себе и посмотреть своим детским страхам в глаза.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171781-0

© Мартин И., 2023
© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Так как хуже уже быть не могло,
стало лучше.

Ф. Кафка

ГЛАВА 1

Первые две недели после того вечера этот сон снился мне каждую ночь. Порой он тянулся невыносимо долго, со всеми подробностями и страхами, а бывало, врывался короткой панической вспышкой, оставляя неприятное и тревожное послевкусие.

Разбитое зеркало, распахнутое окно, женский силуэт на его фоне. Лица женщины я никогда не могу разглядеть, хотя очень стараюсь. Странная и пугающая беспомощность.

Тем не менее мне прекрасно известно, кто эта женщина. Ведь все это происходило на самом деле, просто мозг отчего-то заиклился и поставил на повтор не самое приятное воспоминание.

«Это ты во всем виновата. Ты сама. Помни об этом всегда!»

Я вижу капельки крови на своей бледно-голубой футболке и на кафельной плитке. Я хочу объяснить ей, что ни в чем не виновата, но никак не могу, потому что слишком старательно всматриваюсь в ее лицо, словно это принесет избавление.

Женщины я не боюсь, но от резких слов и упреков делается больно, мучительно плохо. Я поворачиваюсь к зеркалу и вижу в нем себя, покрытую трещинами, искаженную и мерзкую. Вот отчего мне по-настоящему жутко.

Потом она стала сниться мне реже, а спустя месяц сюжет сна перестал быть повторяющимся и однообразным.

Иногда я разбивала зеркало, иногда она, временами мне казалось, что я, переполненная ее жгучей ненавистью, смотрю на себя со стороны, и я просыпалась в слезах от невыносимой жалости к себе.

Вот уж не ожидала, что могу быть столь впечатлительной.

В моей жизни много раз складывались неприятные ситуации, но ни одна не снилась с такой невыносимой настойчивостью.

— Может, ты чувствуешь перед ней вину? — предположила Лиза, когда я в очередной раз пожаловалась ей на надоевший сон.

— Нет конечно. Она взбесилась на ровном месте.

— Ну да, ну да. — Лиза иронично покивала. — Я помню, что в намеренном соблазнении Томаша у Нади на глазах ты отказываешься сознаваться.

— Потому что такого не было!

— Давай не станем начинать заново? Такое было, и Надя это видела. Без разницы, по чьей инициативе — твоей или его, но то, что ее бомбануло именно поэтому, сомнений нет. А вот почему она тебе снится, понятия не имею. Я знаю, как избавиться от прыщей, секущихся волос и надоедливых парней, а как от плохих снов — без понятия.

Была уже середина лета. Июль. Стояла жара. Москва утопала в сухой автомобильной пыли. Затянутое смогом небо почти не дышало, и солнце, с трудом пробиваясь через его толщу, изматывало духотой. Мы валялись на сизой лужайке возле искусственного, обложенного бетонными плитами пруда, в котором запрещалось купаться, и время от времени мочили в нем ноги.

Уехать на каникулы нам с Лизой было некуда, приходилось маяться в городе. Раз в неделю, по субботам, мы катались в Серебряный Бор, чтобы искупаться, но каждый день дороги обходился дорого. На одно метро туда-обратно — сто рублей.

— Странно все же, что Надя так внезапно ушла. Из-за этого сна я часто ее вспоминаю.

— Вовсе не странно. — Лиза села, обхватив колени. — Директриса узнала о ее развратных похождениях и уволила.

— Это только твои догадки.

— Пусть догадки. Зато известно, кто точно в курсе...

Щурясь на солнце, она с призывной насмешкой продолжала на меня смотреть.

— Ну чего тебе? — вспыхнула я, чувствуя, к чему она клонит.

— Ты все еще его любишь?

— Я никого не люблю.

— Это ты будешь Бэзилу заливать. — Она снова откинулась на траву.

Лиза была красивая. Броская — крашенная блондинка с огромными карими глазами. Папа у нее был армянин, а мама — украинка. Эта гремучая смесь крови подарила Лизе здоровый цвет лица, меланхоличный взгляд, большой рот, идеально ровные белые зубы и отличную фигуру. Ростом Лиза была чуть ниже меня, но ее груди и попе я откровенно завидовала.

В списке моих достоинств они точно не значились. Зато мне неведомо слово «диета» и лишние килограммы, что, по Лизиным словам, очень облегчало жизнь.

Впрочем, моя внешность меня вполне устраивала. Красавицей я себя не считала, но по количеству внимания, получаемого от противоположного пола, нетрудно было догадаться, что с этим у меня все в порядке. Только в отличие от Лизы я это внимание не очень-то жаловала. Оно хоть и льстило самолюбию, но потом еще больше угнетало, ведь с ним нужно что-то делать: оправдываться, словно я в чем-то виновата, и муторно разжевывать, почему не могу ответить взаимностью.

Именно поэтому для решения этих и других неприятных моментов мне и понадобился Бэзил. Вообще-то мы с Васей Степиным были друзьями. Нормальными, обычными друзьями без всяких там френд-зон или неосознанных влечений. Просто нам обоим было выгодно, чтобы

другие считали, будто мы вместе. Ему — отшивать надо-
евших девушек, ссылаясь на то, что я «все узнала», а меня
избавляло от ненужных поклонников и объяснений.

Совсем рядом послышался странный шум. Мы с Лизой
резко сели. Неподалеку стояла странного вида старушка
в смешной панамке и кормила огромную стаю голубей.
Хлопанье их крыльев и заставило нас вскочить.

Старушка сыпала крупу из прозрачного пакетика. К го-
лубям со всех ног примчался малыш лет четырех и с кри-
ками «Птички!» ворвался в голубиную стаю. Птицы шум-
но вспорхнули.

За мальчиком не спеша шел ухмыляющийся папаша —
высокий круглоголовый лысый мужик. Старушка с укором
посмотрела на мальчика и переместилась в другое место,
мальчик с папой дождались, пока она насыплет крупу и го-
луби, громко курлыкая, слетятся к ее ногам. Затем, заво-
пив «Птички!», мальчик бросился их разгонять, а папаша
довольно захохотал. Старушка расстроено покачала голо-
вой и побрела дальше. Голуби летели за ней.

Отец с сыном продолжали настырное преследование.
Старушка пыталась прибавить шаг, но в соревновании с
ними у нее не было ни малейшего шанса. Малыш визгли-
во заливался, его родитель гоготал басом. Так повторилось
несколько раз. Старушку было жалко.

— Помогите! — вдруг громко крикнула Лиза и, широко
раскинув руки, упала навзничь.

Мужик посмотрел в нашу сторону. Старушка тоже обер-
нулась, мальчик застыл как вкопанный, голуби взлетели.

— Помогите! — Я помахала мужику.

Тот замешкался, потом подозвал сынишку и направил-
ся к нам.

— Идет, — предупредила я Лизу, — сделай мучениче-
ское лицо.

— Что такое? — Мужик нарисовался возле меня.

— Моей подруге плохо.

— Нужно «Скорую» вызвать, — выдал он глубокомыс-
ленно.

— Не нужно, — отрезала я. — Отнесите ее на лавку, а я воды наберу.

Мужик оценивающе оглядел Лизу. Судя по всему, ее прекрасный вид придал ему геройской решимости.

— Ладно. — Оголяя поясницу и жирные складки на боках, он неуклюже наклонился, поднял Лизу и понес на лавочку.

Ребенок побежал за ними. Еле сдерживая смех, я кинулась к растерянной старушке и скороговоркой выпалила: «Уходите, пока мы их отвлекаем».

Некоторое время она непонимающе смотрела, но потом в ее глазах блеснул хитрый огонек.

— Может, все-таки «Скорую»? — предложил мужик, усадив Лизу на лавку.

Для такого непробиваемого тупаря он проявил удивительное участие.

— Пти-и-чки! — растопырив пальцы, печально протянул мальчик.

Мы повернулись в ту сторону, куда смотрел ребенок. Старушка исчезла, голуби тоже.

— Улетели, — пробубнил папаша.

— Бабушка ушла, — подтвердила я.

Лиза тут же встала с лавочки, одернула на попе сарафан и поправила декольте.

— Спасибо, — сказала она озадаченному мужику, — я всегда в обморок падаю, когда вижу невоспитанных детей.

— Не понял! — Мужик напрягся.

Тогда Лиза зачем-то показала ему язык и залиvisto расхохоталась.

— Это что, шутка такая? — Лысина мужика покрылась испариной.

— Это праведное возмездие. — Я показала ему средний палец.

Мы бежали и смеялись, хотя мужик и не собирался догонять.

После пруда у нас были запланированы поход в торговый центр и традиционный перекус в кафе. Но Лизе вдруг

захотелось яблок, и мы зарулили в шатры ярмарки выходного дня. Внутри пахло свежими фруктами и зеленью.

Мы пошли вдоль рядов, грустно постояли над черешней и абрикосами, которыми торговали вредные толстые тетki, но зато получили по паре бесплатных яблок от Рустама, а также чурчелу с маленьким кульком соленого арахиса от Фазиля. Задерживаться и любезничать с ними не стоило, иначе они могли вообще не отстать. Закинув презенты в пакетик с ручками, мы быстренько двинулись на выход.

За рядами с медом и сухофруктами располагались прилавки с постельным бельем, тапочками, солнцезащитными очками и всякой бытовой ерундой вроде веников и прихваток.

Проходя мимо столика с вязаньем и рукоделием, я вдруг заметила ту самую старушку с голубыми. Она оживленно болтала с продавщицей. Просто удивительно, как она могла дойти так быстро. Ведь мы с Лизой полпути бежали, а на рынке провели не больше пятнадцати минут. Я показала Лизе на нее пальцем, и в этот момент старушка повернулась в нашу сторону. Мы встретились глазами, и она поманила нас рукой.

— Идите-ка сюда, хочу отблагодарить вас.

— Не нужно, — откликнулась я, — мы просто дурачились.

— Иди-иди. — Старушка продолжала настойчиво махать рукой.

Ничего не оставалось, как подойти.

Грузная смуглолицая продавщица в цветастом платке, повязанном наподобие банданы, и мешковатом фартуке на выпирающем животе с подозрением смотрела на нас исподлобья.

Стена позади нее была увешана вышивками и вязаными ковриками в два ряда, а столик забит разноцветными нитками, пуговицами и тряпочками.

— Вот эти девчонки, — сказала ей старушка.

Женщина сурово покачала головой и, смерив нас придирчивым взглядом, откинула дощечку, перекрывающую проход за прилавок:

— Заходите!

— Зачем? — насторожилась я.

— Погадаю вам.

— Правда? По-настоящему? — не дав мне и рта раскрыть, тут же зажглась Лиза.

— Кривда, — буркнула женщина.

Вид у нее был такой, будто мы ее долго упрашивали и теперь она соизволила сделать одолжение.

— Ладно, идем, — потянула я Лизу на выход. — Все равно это вранье и обман.

— Почему обман? — Слух у продавщицы оказался превосходным.

— Ничего-ничего, — подбадривающе похлопала меня по плечу старушка. — Гуля добрая и всю правду вам скажет.

— У нас денег нет, — нашлась я.

— За гадание денег не беру, — фыркнула Гуля. — Короче, кто смелый, тот заходит, кто недоволен, проходит мимо. Мне торговать надо, а не время на вас терять.

Пока она не сказала про «смелый», я собиралась уйти.

— Давай попробуем, — попросила Лиза. — Мне очень любопытно.

Пришлось уступить.

Мы зашли к Гуле за прилавок и там между двумя рядами ковриков увидели три табуретки. Одна из них служила столиком. На ней стояли чашки и пепельница. Гуля быстро их убрала и выудила из кармана фартука колоду карт Таро.

— Кто первый? — Плюхнувшись на табуретку, она широко расставила ноги в домашних тапочках.

— Давайте я. — Лиза торопливо заняла место напротив нее.

Между ними стояла пустая табуретка-столлик.

— Ты пока будь там, — ладонью пресекла Гуля мою попытку подойти, — а то энергетику всю нам попортишь.

Я остановилась, чувствуя смутное сожаление, что мы повелись на эту разводку, и пытаюсь сообразить, как и на что Гуля рассчитывает нас кинуть. Но, даже если она нас заипнотизирует, денег у нас на двоих было от силы рублей пятьсот.

— Задумай вопрос, — велела она Лизе.

Ловко перетасовав колоду, Гуля разровняла ее ладонью по поверхности табуретки, превратив в полукруг.

— Выбери шесть карт, но сама не трогай. Просто показываешь мне. Ясно?

Лиза принялась быстро тыкать наманикюренным пальчиком в рубашки карт.

Гуля по очереди выложила в ряд выбранные карты и перевернула. Нахмурив лоб, осмотрела их и уперла руки в разведенные колени.

— Отчужденность, безразличие, скука, — заговорила она монотонным пророческим голосом, — все стало слишком привычным. Ты не позаботилась о том, чтобы завершить начатое, и не получила чего хотела. Теперь контроль над событиями потерян. Наступает время терпеливого ожидания, но исход его не гарантирован, а успех соединен с разочарованием. Кругом ошибки и рассеянность. Тебе грозит смертельная опасность от друга, — Гуля бросила взгляд на меня, — или подруги. Но будешь воздержанной, ничего не случится. Ответ на вопрос — время. Оно твой союзник.

Тяжело выдохнув, Гуля откинулась назад, обозначая, что закончила. Лиза недоуменно потрясла головой.

— Я думала, вы скажете что-то нормальное. — Лиза обиженно пожала плечиком и встала.

Гуля навела на меня палец:

— Теперь ты.

— Не, мне не надо. Я про себя и так все знаю.

— Спроси ее про сон, что он значит, — сказала на ухо Лиза.

— Ладно. — Я заняла ее место, и Гуля разложила передо мной карты.

Я выбрала шесть наугад. Она их раскрыла.

Красивые, цветные картинки с изображением человеческих фигур, зверей и различных предметов. Раньше я никогда не видела карты Таро так близко. На первой карте была изображена стоящая за забором из мечей женская фигура со связанными руками и завязанными глазами. На второй — огромная луна с лицом и воющими на нее собаками. Следующей шла перевернутая вверх ногами королева в ярко-желтом платье, за ней — парень в средневековой одежде с охапкой мечей. Женщина на пятой карте сидела в кровати и прятала в ладонях лицо, а на потолке витали страшные тени. Последняя карта называлась Справедливость — человек в красной мантии на троне.

— Ты в клетке, и ты попала, — глухо произнесла Гуля. — Что-то надвигается, и вероятность совершить ошибку очень высока. То, что вчера казалось ясным, скоро покроется мраком. Днем в лесу спокойно, но ночью тени оживают. Несчастливая, трагическая ситуация, тяжелая потеря, скорбь, шантаж и стыд. Упорство в отстаивании неправильных решений. Бессмысленная ложь. Ты открываешь глаза на истину, возле которой нет места счастью. Дурные последствия прошлого. Боль, усталость и желание изменить все к лучшему. Бояться стоит не событий, а будущего.

Гадалка смотрела на меня так, словно это я должна была ей что-то объяснить. Но, судя по тому, какие слова она произносила, все было плохо. Что, в общем-то, не сильно удивляло. Я уже давно выросла из ожидания чудес.

— Ищи причину в женщине — взрослой, гордой и ревливой. Она противостоит тебе. Отпустишь ее — и она отпустит тебя. Доверяйся не чувствам, а разуму. Видишь эту карту? — Гуля постучала по изображению человека в красной мантии. — Это кармическое правосудие, упорядочивание хаоса и оплата по счетам. Ты можешь признать свою вину, а можешь доказать невиновность. Но баланс необходимо восстановить, иначе потери продолжатся и конца им не будет.

Она замолчала. Я обдумывала сказанное. Станным образом этот общий набор фраз отзывался во мне интуитивным пониманием, хотя мы и договорились с Лизой не верить в плохое. Когда она сказала про женщину, с которой нужно договориться, я сразу подумала, что это очень подходит под мой вопрос. И все описанное в целом было довольно близко.

Я встала и кивнула Гуле:

— Спасибо.

Первый раз за все время она улыбнулась:

— Погодите, дам еще вам кое-что.

Покопавшись среди своих мешков, она вытащила из пакета две пуговицы на ниточках и вложила Лизе в руку:

— Обереги от темных мыслей.

Мы поблагодарили ее и поскорее ушли. Можно сколько угодно убеждать себя в том, что я в гадания не верю, однако неприятный осадок все же остался.

— Нужно мне, наверное, найти Надю и поговорить с ней, — сказала я Лизе, когда мы вышли на воздух. — Узнать, почему она так резко уволилась. Может, я на самом деле в чем-то виновата перед ней, просто не отдаю себе в этом отчета?

— Где же ты ее теперь найдешь?

— У Тамары Андреевны спрошу. Слышала, что эта Гуля сказала? Что она отпустит меня, если я ее отпущу.

— Это значит, что ты должна перестать о ней думать.

— А как я перестану, если она мне снится?

— Вот тебе пожалуйста — замкнутый круг. Помнишь, весной, когда твоя Яга умерла, ты запретила своей матери на похороны приезжать? Я спросила почему, а ты сказала: «С глаз долой — из сердца вон».

Я пожалала плечами:

— Ну, это я просто пошутила, чтобы не портить никому настроения рассказами о том, как я ее ненавижу.

— Сейчас то же самое. Зачем тебе видеть Надю? Быстрее забудется.

— Тогда я не знаю, что делать.

— Вот потому гадалка и сказала, что ты в клетке.

— Я еще помню про дурные последствия прошлого и что стоит бояться будущего.

— Все, хватит, — оборвала Лиза. — Мы же договорились не верить, а то я тоже начну думать, что из-за тебя меня ждет смертельная опасность. Извини, зря я тебя на это подбила. Просто всегда хочется услышать, что когда-нибудь все станет хорошо.

Проходя возле продуктового магазина, мимо нищего старикана с хозяйственной сумкой для подачек, Лиза выкинула в нее две наши пуговицы.

— Зачем ты это сделала? — удивилась я.

— Моя бабушка, та, которая армянка, говорила, что чужие пуговицы носить нельзя. И на дороге или с пола подбирать тоже. Они могут забрать твою душу или свести с ума.

ГЛАВА 2

Хаос начинается с мелочей. С одной малюсенькой дырки на носке, со смятого фантика на полу, с пожелтевшего высохшего огрызка яблока среди бумаг, с промокших ботинок или отрывающейся пуговицы. Хаос похож на вирус: заразный и очень живучий, он может поселиться где угодно, забраться в твой мозг, в сердце или даже в душу. Зацепившись крохотным микробом за твою жизнь, он приживается и распространяется повсюду, куда сможет проникнуть.

Поддерживать порядок непросто, но еще сложнее избавиться от этого всепоглощающего хаоса.

Труп нашли во время третьего урока. У нас как раз шла физ-ра, и я, пробегая мимо окна, первая заметила странное скопление людей в палисаднике соседней многоэтажки, где и собачники-то нечасто гуляли, а уж тем более в такую мерзкую погоду.

Дождь лил две недели не переставая, и все вокруг: и дома, и деревья, и люди — пропиталось его влажным, промозглым холодом. Везде что-то текло, капало, шумело в водостоках, долбило по подоконникам, шелестело и раз-